

- Иванна, моя дорогая дочь.»

Губы Данте прижались к волосам Иванны. Теплое дыхание щекотало ей лоб, Иванна крепче вцепилась в его одежду.

- Папа.....»

Отец и дочь, которые должны были быть связаны с момента рождения ребенка, были вынуждены быть разлученными извращенным миром, наконец-то достигли сердец друг друга. Их сердца стали сильными и крепко привязались друг к другу, чтобы больше не распадаться на части. Теперь, что бы ни случилось с миром, что бы ни случилось с этими двумя, однажды завязанные нити больше не ослабнут.

Это были очень ценные отношения, которые Иванна сумела поймать своими израненными руками.

Белые пузырьки светились пятью цветами. Это было очень мечтательно, что он щекотал ей руки, когда она прикасалась к нему.

- Ты хорошо себя чувствуешь?»

Иванна кивнула и рассмеялась в ответ на вопрос Элейн. Маленькая ручка коснулась пены.

- Итак, юная леди. Если пузырьки попадут тебе в глаза, это будет больно, так что плотно закрой их.»

Иванна, которая касалась пушистых пузырей взад и вперед, закрыла глаза при этих словах. Элейн снова вымыла ей волосы с приятной улыбкой. Когда произошел инцидент в ванной, она думала, что всё, что не случается, всё к лучшему.

«Я думала, что разум и сердце Иванны никогда больше не откроются.»

Мир, казалось, действительно рухнул, когда Данте не смог преодолеть свой гнев и позволил своей силе вырваться наружу. Но, как и ожидалось, мастер ни за что не сдастся просто так. Когда Данте разбил мраморную ванну, которая вызвала у ребенка страх, и Иванна впервые назвала его папой, Данте был так потрясен, что заплакал.

«Отцу и дочери нелегко расстаться.»

- Я собираюсь ополоснуть твои волосы.»

Пена, попавшая на волосы ребенка, была смыта теплой водой. Мало-помалу волосы, которые были полны пыли и паутины, начали проявлять свой цвет. Сердце Элейн учащенно забилось.

Вместо того чтобы снова закрыть свое сердце, Иванна попросила ее сначала принять ванну. Все прыгали от радости, и по команде Данте немедленно была приготовлена обычная деревянная ванна. Иванна благополучно устроилась в ванне, полной воды.

Поскольку она так долго не мылась, Элейн приходилось снова и снова менять воду. Только после седьмого раза из ее тела больше не вытекала серая вода.

Чем больше ее мыли, тем больше оживала внешность ребенка, которая была скрыта. Когда все волосы, закрывавшие ее лицо, были убраны, Элейн, сама того не осознавая, издала восклицание.

«Я хотела показать это герцогу как можно скорее.»

- Сейчас, мисс. Иди сюда.»

Наконец, после того, как все пузырьки были смыты, было расстелено большое полотенце. Затем Элейн вытерла тело Иванны, присмотревшись к нему повнимательнее. Тело Иванны, которое она увидела впервые, выглядело таким же измученным, как и ее ужасные крики. На нем не было ни единого кусочка мягкой плоти. Тощее тело, грубая кожа и даже шрамы от жестокого обращения остались нетронутыми.

«Я понимаю, почему Иванна неправильно восприняла мраморную ванну как алтарь и у нее случился припадок. В течение двух лет эти сумасшедшие действительно серьезно разрушали психику ребенка...»

Она должна была нанести бальзам-масло, чтобы разгладить кожу ребенка, но не смогла, потому что повсюду были шрамы. Она решила, что должна попросить Салливан должным образом позаботиться о её ранах.

- Давай выйдем и высушим твои мокрые волосы.»

Элейн вышла вместе с Ивановой, которая была одета во всю белую и мягкую пижаму.

Вместо сломанной ванной Данте ждал за ширмой, пока Иванна принимала ванну, с другой стороны. Сидя на диване и ожидая, когда все закончится, он вскочил, как только ребенок вышел. И широко раскрыл глаза.

- Какая она хорошенькая, верно?»

Элейн счастливо рассмеялась, увидев удивление герцога и его неспособность говорить.

- Она очень похожа на леди Хьюгор.»

Она откинула назад все волосы, закрывавшие ее лицо, смыла пыль и сбросила грязные тряпки. Но на самом деле Иванову, которая была полностью раскрыта, нельзя назвать хорошенькой. Ее бледная кожа была розово-белой, потому что она не видела солнца, ее скулы выступали, потому что она не могла есть, а глаза были пустыми. Все тело было настолько заполнено последствиями жестокого обращения, что никто не мог думать о ребенке как о “хорошеньком”.

Но для Данте, ее отца, ребенок был ослепителен.

- Лицо моей дочери, наконец-то открытое всем, оно прекраснее всего на свете.»

Данте смог найти в лице Иванны и лицо своей возлюбленной, и свое собственное.

**

<http://tl.rulate.ru/book/52184/1877690>